

ПОЭТИЧЕСКИЕ НЕКРОЛОГИ НЕКРАСОВА О БЕЛИНСКОМ 1850-х ГОДОВ: ТРАДИЦИЯ И КОНТЕКСТ

*Вдовин Алексей Владимирович,
PhD, доцент школы филологических наук факультета
гуманитарных наук, Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики», г. Москва
E-mail: avdovin@hse.ru*

NEKRASOV'S POETIC OBITUARIES OF BELINSKY IN THE 1850s: TRADITION AND CONTEXT

*Vdovin Alexey Vladimirovich,
PhD, Associate Professor of The School of Philological Studies,
Faculty of Humanities, National Research University
Higher School of Economics, Moscow
E-mail: avdovin@hse.ru*

Аннотация. В статье исследуются поэтические некрологи Некрасова 1850-х гг., центральной фигурой в которых выступает В. Г. Белинский. Встраивая эти стихотворения в традицию русской элегии и гражданской оды первой половины XIX века, автор показывает, за счет каких поэтических ресурсов Некрасов канонизирует значимое для него имя великого критика.

Ключевые слова: Н. А. Некрасов, В. Г. Белинский, некролог, элегия, ода, интертекст.

Summary. The article explores Nekrasov's poetic obituaries of the famous critic Vissarion Belinsky. Embedding these poems in the tradition of the Russian elegy and ode of the first half of the 19th century, the author explains what generic modes and intertextual sources Nekrasov used to canonize the name and the memory of the great critic.

Keywords: Nekrasov, Belinsky, obituary, elegy, ode, intertext

Среди наиболее канонических стихотворений Некрасова отчетливо выделяется целая группа текстов — поэтических некро-

логов Белинскому, Добролюбову, Писареву и Чернышевскому. Их комментирование и интерпретация по-прежнему далеки от завершения, не говоря уже о более общей проблеме — специфике жанра, стилистики и прагматики. Настоящая работа посвящена хронологически первым некрасовским образцам поэтического некролога, связанным с памятью о Белинском, — фигуре, как известно, крайне важной для поэтического мира и биографического мифа Некрасова 1850-х гг. и — шире — для самосознания русской литературы начала царствования Александра II [см. 11].

Почти все тексты Некрасова о Белинском локализованы между 1852 и 1856 гг. Помимо «Памяти Белинского» (опубл. 1855) и поэмы «В. Г. Белинский» (опубл. 1859) с образом критика косвенно связаны также стихотворения «Блажен незлобивый поэт...» (1852), «Русскому писателю» (вошедшее потом в «Поэта и гражданина»), «В больнице» (1855), «Демону» (1855), поэма «Несчастные» (1856).

Нетрудно заметить, что интерес к Белинскому падает на решающее для поэтического самоопределения Некрасова время — середину 1850-х гг., когда готовится сборник его стихов, который, по его замыслу, должен был принести ему славу «поэта-героя», первого поэта России [13, с. 121–144]. Однако первый текст о Белинском — элегия «Памяти Белинского» (при первой публикации — «Памяти приятеля») — был написан предположительно еще в 1853 г. (точная датировка не установлена), а о поводе ее создания можно только гадать. Незадолго до смерти Некрасов сделал следующую пометку рядом с ее текстом: «Известно, что о Белинском нельзя было слова пикнуть» [3, т. I, с. 614]. Судя по всему, поэт хотел указать на адресата стихотворения, которое при жизни печаталось под заголовком «Памяти приятеля». Однако в этой фразе можно усмотреть и другую интенцию — пояснить странное забвение памяти *приятеля*, описанное во второй части стихотворения.

Первые рецензенты заметили эту странность. С. С. Дудышкин в 1861 г. писал: «Правдивое, хотя несколько и прозаическое, стихотворение многим покажется невероятным. Как могли относиться к Белинскому <эти> стихи <...>, а между тем они вполне справедливы... были» [2, с. 81–82]. Своей пометкой Некрасов как будто пытался оправдать ленивых и неблагодарных учеников, забывших о могиле Учителя. В самом деле, за обрисованной в элегии грустной картиной стояли известные нам теперь реалии сложных отношений Белинского с разными группами из его ближайшего

«ветренное племя». Перед смертью поэт заменил эпитет, затемнив отсылку, и понятно почему. К 1850-м гг. «ветренное племя», да еще в рифмопаре «время», — поэтическое клише, встречающееся, если верить национальному корпусу русского языка, в дюжине текстов. Ближайшим по времени источником для Некрасова могла быть статья Н. В. Гоголя «В чем же наконец существо русской поэзии...», где «ветренным племенем» именуется поколение, потерявшее «трех первостепенных поэтов»: «Пушкин, Грибоедов, Лермонтов, один за другим <...> были похищены насильственной смертью, <...> в поре самого цветущего мужества, в полном развитии сил своих, — и никого это не поразило. Даже не содрогнулось ветренное племя» [1, с. 403].

Однако и гоголевская, и некрасовская формулы, как кажется, восходят к одному общему источнику — финалу второй главы «Евгения Онегина» Пушкина. Здесь «ветренное племя» — ключевой образ квази-элегии, следующей за описанием посещения Ленским могилы Дмитрия Ларина. Из таблицы видны рифменные, лексические и образные схождения:

Пушкин «Евгений Онегин»	Некрасов «Памяти Белинского»
<p>XXXVIII [Ленский на могиле Дм. Ларина]</p> <p>Увы! на жизненных браздах Мгновенной жатвой поколенья, По тайной воле провиденья, Восходят, зреют и падут; Другие им вослед идут... Так наше <i>ветренное племя</i> <i>Растет, волнуется, кипит</i> И к гробу прадедов теснит. Придет, придет и наше <i>время</i>, И наши внуки в добрый час Из мира вытеснят и нас!</p>	<p>Наивная и страстная душа, В ком помыслы прекрасные <i>кител</i>, Упорствуя, <i>волнуясь</i> и спеша, Ты честно шел к одной высокой цели;</p> <p><...></p> <p>Нам дела нет, кто <i>возрастил</i> его, Кто посвящал ему и труд и <i>время</i>, И о тебе не скажет ничего Своим потомкам <i>ветренное племя</i>.</p>

Связь некрасовской элегии с Пушкиным подкрепляется еще несколькими пересечениями. Во-первых, пушкинский предикат «волнуется», возможно, обусловил появление у Некрасова деепричастия «волнуясь». Тогда «спешка» Белинского в контексте

реминисценций из «Онегина» напоминает об известном эпитафическом стихе «И жить торопится, и чувствовать спешит». Во-вторых, растительная метафора у Пушкина, уподобляющая поколения зреющим на ниве плодам, могла подсказать Некрасову образ вкушаемых плодов (конечно, в дополнение к библейскому его источнику). Наконец, тема смены поколений переходит у Пушкина в размышления о судьбе поэта, что очень важно для Некрасова:

Быть может, в Лете не потонет
 Строфа, слагаемая мной;
 Быть может (лестная надежда!),
 Укажет будущий невежда
 На мой прославленный портрет
 И молвит: то-то был поэт!

Этим, однако, функция пушкинского претекста в некрасовской элегии не исчерпывается. Есть основания думать, что фрагмент о «ветреном племени» в «Онегине» — это отклик на известную и часто перепечатываемую в хрестоматиях XIX в. элегию Е. А. Баратынского «Финляндия» (1820), в которой речь идет о забвении молодого певца:

И ваши имена не пощадило *время!*
 Что ж наши подвиги, что слава наших дней,
 Что наше *ветренное племя?*
 О, все *своей чредой исчезнет в бездне лет!*
 Для всех один закон, закон уничтоженья,
 Во всем мне слышится таинственный привет
 Обетованного *забвенья!*²

Не вдаваясь в обсуждение этой параллели и ее возможных французских источников, отмечу лишь, что в сознании Некрасова «ветренное племя» могло ассоциироваться и с элегией ценимого им Баратынского.

С Пушкиным же у Некрасова связана еще одна проекция. Финальные строки «Памяти приятеля» о непроторенной дороге недвусмысленно указывают на тему поэтического бессмертия и противопоставлены «незарастающей тропе». В таком случае совершенно очевидной становится связь «Памяти приятеля» с более ранним стихотворением Некрасова «Блажен незлоби-

² Во второй редакции 1827 г. это место не изменилось.

вый поэт...». Затерянная могила Белинского контрастирует с посмертной славой «незлюбивого поэта», которому современники «при жизни памятник готовят» (об этом тексте и связи его с Гоголем см. [15]).

Таким образом, Некрасовский текст устроен так, что дает сигналы к прочтению его в рамках надаваторского цикла «смерть поэта», как его назвал Г. А. Левинтон [12]. Жанровая память текста посылает читателю сигналы, заставляющие воспринимать безымянного «приятеля» как поэта, необыкновенную личность. Знаменательно и то, что Некрасов выбирает для элегии 5-ст. ямб, который прочно утвердился в некрологической тематике как раз после смерти Пушкина [9, с. 174–175]. Все эти сигналы задают интертекстуальные ключи, с помощью которых текст мог быть истолкован современниками.

В начале 1855 г. Некрасов опубликовал «Памяти Белинского» и сразу же начал набрасывать поэму «Белинский» (реконструкцию истории создания поэмы см.: [8]). Симптоматично, что первые строки были записаны анапестом, потом 6-ст. ямбом, затем 5-ст. хореем и в итоге переделаны в классический для русской поэмы 4-ст. ямб, с явно неудачным пародийным зачином «Сложив терновый свой венец, / Белинский умер наконец» [3, т. IV, с. 263].

В новом тексте о Белинском Некрасов задался целью обосновать значение критика не только для дружеского круга, но и для общества. Вторая строфа первого по времени черновика содержит ключевую фразу «великий человек, безвестный для людей», которая, конечно же, «вырастает» из финала «Памяти приятеля». Но теперь эта проблема волнует поэта в другом аспекте: имеет ли великий, но безвестный для людей человек право на биографию, право стать героем поэмы? (Именно так определил сам Некрасов жанр своего нового текста.) Поэт, видимо, остро ощущал нестандартность такой ситуации. В истории русской поэмы до 1855 г. едва ли найдется пример, когда биография критика становится предметом именно поэмы. Поэтому в дальнейших строках черновика «И он пришел поэт безвестный!» видно, как Некрасов опять «повышает» Белинского «в чине», который бы соответствовал циклу «смерть поэта». Написав несколько строф в таком духе, Некрасов перечеркнул их. В результате из белого текста исчез и терновый венец, и поэт, который был заменен на сниженное «плебей» («и он

пришел, плебей безвестный»). Это была знаменательная для дальнейшего творчества Некрасова трансформация.

Не менее сложно решалась проблема повествователя. Сначала рассказ велся от лица смертельно больного автора, лично знавшего покойного: «И набросал я эти строки / Больной, неверною рукой». Ситуация умирания имела, конечно, и биографическую проекцию: в 1855 г. Некрасов тяжело болел и сочинил «Последние элегии», окончив работу над ними как раз в мае-июне 1855 г., когда писалась поэма. Форма от первого лица, однако, не удовлетворила его, и в беловом варианте появился «умирающий в подвале поэт», который рассказывает перед смертью о своем друге Белинском. Некрасов, очевидно, так захватил антураж и возможности самой этой ситуации, что в мае-июне 1855 г. он пишет стихотворение «В больнице», где «умирающий бедняк сочинитель» живописует пришедшим друзьям своих соседей по палате.

Введение фигуры вымышленного рассказчика, конечно же, «остраняло» повествование, но не только. Такая форма могла намекать на известный образец — думу К. Ф. Рылеева «Державин» (1822), написанную 4-ст. ямбом и имеющую аналогичную повествовательную рамку. Рылеев доверяет рассказ о великом барде младому тоскующему певцу, который обнаруживает его могилу в ограде Хутынского монастыря и воспевает его поприще, сопоставляя его с собственной судьбой. Некрасов вкладывает рассказ о Белинском в уста умирающего поэта, проецируя его судьбу на участь критика. При этом ясно, что в текстах обоих авторов образ повествователя подсвечен автобиографическими проекциями.

Также важно, что Некрасов описывает добродетели и значение Белинского с опорой на приподнятую интонацию Рылеева. Вот несколько лексико-стилистических пересечений — не дословных совпадений, но свидетельств использования тех слов-сигналов, которые образуют пласт социально-политических аллюзий в поэзии декабристов³:

³ Национальный корпус не дает никаких иных пересечений с кем-либо из декабристов, кроме Рылеева.

Рылеев	Некрасов
<p>Он свить <i>горел венок нетленной,</i> И был в родной своей стране Органом <i>истины священной.</i> Везде певец народных благ <...> <i>Святая правда</i> — долг его... <...> Всю жизнь <i>он вел борьбу</i> <i>с пороком...</i> <...> И <i>зла непримиримый враг</i> <...> <...> <i>Поклонник пламенный добра,</i> Ничем себя <i>не опорочит...</i> [4, с. 171–174]</p>	<p>Писал он много... Мыслью новой, Стремленьем <i>к истине суровой</i> <i>Горячий</i> труд его дышал <...> Потребность сильная была В могучем слове <i>правды честной,</i> В открытом <i>обличенье зла...</i> <...> И <i>честный сеятель Добра...</i></p>

Для подкрепления гипотезы о значительном следе рылеевской риторики в поэме «Белинский» следует обратить внимание на строки из второго варианта поэмы, напечатанные потом в виде отдельного стихотворения «Русскому писателю». Ср.:

Рылеев	Некрасов
<p>О, так! нет выше ничего Предназначения поэта: Святая правда — долг его, Предмет — <i>полезным быть</i> <i>для света.</i> <i>Служитель</i> избранный творца, Не должен быть ничем он связан; Святой, высокий сан певца Он <i>делом оправдать</i> обязан [4, с. 172]</p>	<p>Напрасно быть толпе угодней Ты хочешь, поблажая ей, — Твое <i>призвание</i> благородней, Писатель <i>родины</i> моей! Ее ты знаешь: не угодник <i>Полезен ей.</i> Пришла пора! Ей нужен труженик-работник На почве Мысли и Добра. <i>Служи не славе, не искусству,</i> — Для <i>блага ближнего живи,</i> Свой гений подчиняя чувству Всеобнимающей Любви</p>

Явно неслучайно эти строки, где наиболее отчетливо слышны рылеевские интонации и призывы к гражданскому служению поэта, были обособлены Некрасовым и включены в состав «Поэта и гражданина», в котором голос Рылеева звучал, как известно, в полную силу.

Приподнятость декабристской поэзии с ее вниманием к этическим проблемам была нужна Некрасову, чтобы сконцентрировать напряжение вокруг личности Белинского. Сюжет поэмы строится как цепь эпизодов, в каждом из которых проявляется какое-либо из моральных качеств героя: честность, служение благу ближнего, любовь к истине и добру, принципиальность, мужество и др. Непременным признаком героической личности становится, разумеется, и смерть героя. В поэме смерть «удвоена» — кроме Белинского, умирает сам рассказчик.

Сюжет об умирающем поэте/литераторе — инвариантный не только для темы «Белинский», но и для многих автоматописательных стихотворений Некрасова 1855 г. («Праздник жизни, молодости годы...», «Безвестен я. Я вами не стяжал...», «Еще скончался честный человек...», о последнем см.: [6]). Можно вспомнить хотя бы «беззащитного певца» из «Последних элегий», принимающего терновый венец перед смертью. В таком биографическом контексте становится понятно, почему фигура умирающего Белинского особенно занимала воображение Некрасова в 1855 г. У этой темы имелись и глубоко личные коннотации, поскольку к середине 1850-х гг. конфликт больного Белинского и Некрасова, произошедший в 1847–1848 гг., оброс многочисленными толками в московских и петербургских кружках, в связи с чем Некрасов, очевидно, попытался изложить свою точку зрения на недавнее прошлое и в прозаической форме — в виде незаконченной повести «В тот же день часов в одиннадцать утра...» (1855).

Таким образом, рассмотрение двух ключевых текстов Некрасова середины 1850-х гг. о Белинском в литературном и биографическом контексте позволяет объяснить, как в его поэзии возникал герой нового типа и в каких жанровых формах он мог существовать. Представленные здесь выводы представляют предысторию и важнейшие элементы той мифологии и идеологии радикальной интеллигенции, какую Некрасов будет разрабатывать в поэтических некрологах 1860-х гг., посвященных Добролюбову, Писареву и Чернышевскому (см. об этом: [14]).

Список источников и литературы

Источники

1. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: в 14 т. М. ; Л., 1952. Т. 8.
2. Дудышкин С. С. Стихотворения Н. Некрасова // Отечественные записки. 1861. № 12.

3. Некрасов Н. А. Полн. собр. соч.: в 15 т. Л.- СПб., 1981–2000.
4. Рылеев К. Ф. Полн. собр. стих. 2-е изд. Л., 1971. (Библиотека поэта. Большая серия.)
5. Студитский А. Могила Веневитинова // Москвитянин. 1842. № 8. С. 245.

Литература

6. Вдовин А. В. Кому адресовано стихотворение Н. А. Некрасова «Еще скончался честный человек...» (К истории одного заблуждения) // Русская литература. 2014. № 1. С. 119–129.
7. Вдовин А. В. Концепт «глава литературы» в русской критике 1830-60-х годов. Тарту, 2011.
8. Гаркави А. М. Творческая история поэмы «В. Г. Белинский» // Некрасовский сборник. Л., 1980. Вып. 7. С. 25–34.
9. Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха. М., 2000.
10. Гиппиус В. В. Некрасов в истории русской поэзии XIX века // Гиппиус В. В. От Пушкина до Блока. М.; Л., 1966.
11. Красносельская Ю. И. Смерть героя: «миф о Белинском» в поэме Н. А. Некрасова «Несчастные» и повести Л. Н. Толстого «Альберт» // Карабиха. Вып. 10. Ярославль, 2018. С. 29–49.
12. Левинтон Г. А. Смерть поэта: Иосиф Бродский // Иосиф Бродский: творчество, личность, судьба. Итоги трех конференций. СПб., 1998. С. 190–215.
13. Макеев М. С. Николай Некрасов: Поэт и Предприниматель (очерки о взаимодействии литературы и экономики). М., 2009.
14. Макеев М. С. Поэзия Некрасова и идеология русской радикальной интеллигенции середины XIX века // К 60-летию профессора Анны Ивановны Журавлевой. М., 1998.
15. Серман И. Происхождение одной поэтической формулы: Гоголь и Некрасов // Revue des études slaves. 1998. Т. 70. Fasc 3. P. 641–647.
16. Топоров В. Н. Младой певец и быстротечное время (К истории одного образа в русской поэзии первой трети XIX века) // Russian Poetics. Columbus; Ohio, 1983. P. 423–424. (UCLA Slavic Studies. Vol. 4)
17. Тынянов Ю. Н. Стиховые формы Некрасова // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.